

ПОНЯТИЕ КОРРУПЦИОННОГО СОУЧАСТИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕГО

В.Н. Бурлаков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

20 декабря 2019 г.

Дата принятия в печать

10 февраля 2020 г.

Дата онлайн-размещения

28 февраля 2020 г.

Ключевые слова

Взятничество; коррупция;
незаконное обогащение;
коррупционное соучастие;
коррупционное пособничество;
коррупционный сговор

Аннотация. Использование понятий «взятничество» и «коррупция» как равнозначных вольно или невольно стирает грань между данными родственными явлениями. Коррупция вырастает из взяточничества, но вместе с этим приобретает новые свойства. В легальном понятии коррупции, предусмотренном в федеральном законе РФ, отсутствуют сущностные свойства этого явления. И как следствие, в Уголовном кодексе нормы об ответственности за взяточничество по-прежнему остаются нормативной базой для ответственности за коррупцию. Таким образом, этим двум явлениям противостоят одинаковые меры криминологического и уголовно-правового предупреждения, и поэтому они теряют свою целесообразность и эффективность, по крайней мере в отношении одного из них. Чтобы привести в соответствие общественную опасность коррупции и меры ответственности за нее для борьбы с ней, надо правильно определить сущностный признак коррупции. Им является корыстное использование должностным лицом служебных полномочий в целях содействия в совершении преступлений иными лицами. Исходя из такого понимания обоснован вывод о необходимости криминализации коррупции. Для этого предлагается дополнить УК РФ статьей под названием «Коррупционное соучастие». Коррупционное соучастие представляет собой сложное преступление, которое охватывает получение должностным лицом взятки за использование своих полномочий в целях оказать содействие в совершении преступления другим лицом (лицами). Предлагаемая статья должна предусматривать ответственность за два различающихся по степени общественной опасности вида коррупционного соучастия: *коррупционное пособничество*, т.е. использование должностным лицом за взятку своих полномочий в целях оказать содействие в совершении преступления другим лицом (лицами), и *коррупционный сговор*, т.е. использование должностным лицом за взятку своих полномочий в целях оказать постоянное содействие организованной группе или преступному сообществу в совершении преступлений. Проанализированы преимущества этой статьи по сравнению с применяемыми сегодня при квалификации статьями за коррупцию. Дано разграничение состава коррупционного соучастия и смежных составов, в частности предусмотренного ч. 3 ст. 210 («Участие в преступном сообществе»).

THE CONCEPT OF COMPLICITY IN CORRUPTION AND RESPONSIBILITY FOR IT

Vladimir N. Burlakov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2019 December 20

Accepted

2020 February 10

Available online

2020 February 28

Keywords

Bribery; corruption; illicit enrichment;
complicity in corruption; aiding
and abetting corruption; corrupt
collusion

Abstract. When the concepts «bribery» and «corruption» are used interchangeably it blurs, voluntarily or involuntarily, the borders between these related phenomena. Corruption is a consequence of bribery, but it also has its own distinctive features. The legal definition of corruption, found in the federal law of the Russian Federation, does not include essential qualities of this phenomenon. As a consequence, the Criminal Code norms prescribing liability for bribery still remain the normative basis of liability for corruption. Thus, these two phenomena are counteracted by the same measures of criminological and criminal law prevention, and, as a consequence, such measures lose their relevance and effectiveness, at least against one of the described offences. It is necessary to determine the essential feature of corruption in order to align its public danger with liability measures aimed at fighting it. This essential feature is the self-interested abuse of authority by an official with the purpose of aiding and abetting other persons in committing crimes. On the basis of such an understanding, the author concludes that it is necessary to criminalize corruption. It is suggested that the Criminal Code of the Russian Federation should be supplemented

by an Article «Complicity in Corruption». Complicity in corruption is a complex crime that encompasses the situations when officials take bribes for using their authority to assist another person or persons in committing a crime. The proposed Article should determine liability for two types of complicity in corruption that differ in their degree of public danger: *aiding and abetting corruption*, when an official receives bribes and uses his authority to provide assistance to another person or people in committing a crime, and *corrupt collusion*, when an official receives bribes and uses his authority to provide assistance to an organized group or a criminal community in committing crimes on a permanent basis. The author analyzes the advantages of this Article in comparison with the Articles used today for qualifying corruption and shows the difference between the crime of complicity in corruption and similar crimes, specifically, those included in Part 3 of Art. 210 («Participation in a Criminal Community»).

Введение

Взяточничество сегодня чаще называется коррупцией. Что-то новое должно было произойти в этом явлении, если потребовалось изменить его название, если, конечно, это не дань моде на иностранные слова. О новизне в данном явлении можно судить по тем вопросам, которые обсуждаются в рамках исследования коррупции. Вот их примерный перечень: формы проявления коррупции в России и зарубежных странах; пробелы и противоречия в законодательстве о противодействии коррупции; социальные последствия и «цена» коррупции; мониторинг эффективности мер по противодействию коррупции; коррупционные риски и средства их преодоления; профилактика коррупции; борьба с коррупцией; минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений; антикоррупционная экспертиза; антикоррупционный аудит; антикоррупционные стандарты; антикоррупционное просвещение; антикоррупционное образование; антикоррупционная пропаганда; антикоррупционное мировоззрение и антикоррупционное поведение как результаты реализации государственной политики противодействия коррупции; государственное, муниципальное и общественное стимулирование деятельности по противодействию коррупции; государственный, муниципальный и общественный контроль в сфере противодействия коррупции; антикоррупционные обязанности, ограничения и запреты; предотвращение и урегулирование конфликта интересов; коррупционные правонарушения и ответственность за их совершение; психологические аспекты противодействия коррупции¹.

Большая часть вопросов этого длинного перечня посвящена криминологическому пред-

упреждению коррупции — организационному, экономическому, идеологическому, психологическому и т.д. Среди них почти затерялся вопрос о борьбе с коррупцией. Речь идет об уголовной ответственности. Но если исходить из результатов профилактики коррупции в России, то следует поменять акценты в противодействии ей.

Появление взяточничества во многих зарубежных странах обладает своими особенностями [1, с. 198]. Имеют свою специфику исторические корни взяточничества и в России. Достаточно вспомнить систему «кормления», существовавшую в феодальной России, когда региональные чиновники вместо регулярного жалования получили право облагать поборы население. Эта законная практика, просуществовавшая в течение долгого по историческим меркам времени, сформировала архетип корыстного использования служебных полномочий, или, как сказал В.В. Лунеев, институированный порочный российский деловой обычай. Чиновник рассматривал взятку как право на оплату своего труда, а обыватель — как обязанность дать взятку исходя из принципа «не подмажешь — не поедешь». Критерием разграничения правомерного и незаконного получения вознаграждения стало понятие «брать по чину». Репрессии в отношении чиновников в эпоху Петра I исходили из этого правила: взятка не по чину — значит совершить такие действия, которые требуют уголовной ответственности. Прошли века, но этот архетип сохранился. В XX в. уже при другом общественно-политическом строе также существовал многочисленный аппарат управления. Наличие огромного количества различных ограничений и запретов, необходимость при решении хозяйственных и бытовых вопросов проходить множество инстанций, добиваться согласования на разных уровнях, дефицит товаров и услуг — все это создавало благоприятные условия для взяточниче-

¹ Диалектика противодействия коррупции : прогн. пленар. заседания 9-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2019. URL: <https://ieml.ru/enlightenment/dialektika>.

ства, особенно на социально-бытовом, низшем уровне. На высшем уровне взяточничество сдерживал жесткий государственный и партийный контроль. Политический режим сам «прикармливал» своих чиновников, предоставляя им различные привилегии. Однако судебные процессы, проходившие в СССР в 1980-е гг. в связи с обвинением партийных и государственных руководителей весьма высокого ранга во взяточничестве, показали глубину разложения управленческого аппарата. Затем наступила перестройка. В этот переходный период «власть была обменена на собственность» (Е.Т. Гайдар) и считалось, что коррупция (полагая, что с этого момента и начинается подмена понятий) должна сыграть роль смазки, облегчающей трудный переход от административно-командной системы к новому экономическому укладу, и что с помощью коррупции можно сохранять «равновесие в экономике» (А.Л. Лившиц). В результате, как отмечают исследователи современной российской коррупции, в 1991–1992 гг. с началом «дикий приватизации» и «большого хапка»² коррупционные шлюзы широко распахнулись при активном участии высокопоставленного чиновничества и отсутствии политической воли в борьбе со взяточничеством у властной элиты [2, с. 328]. Новый Уголовный кодекс явно недооценил общественную опасность взяточничества [3, с. 266], исключив усиление уголовной ответственности за получение взятки при квалифицирующих обстоятельствах для чиновников высокого уровня (сейчас отменено) [4, с. 7] и в дальнейшем смягчив санкции статей за взяточничество путем введения в качестве основного наказания кратный штраф [5; 6]. Хотя, судя по опыту зарубежных стран, в их законодательстве реализуется тенденция усиления ответственности за коррупцию [7; 8]. Как пишет В.В. Лунеев, «многие формы продажности должностных лиц при использовании рыночных отношений вышли за пределы устоявшихся представлений, должностные лица «волей» переходного периода освободились не только от общественного, партийного, но и от правового государственного контроля, их изощренное мздоимство и казнокрадство стало основной и перспективной статьей дохода на временных и неустойчивых государственных должностях, институтированного порочным российским деловым обычаем» [9, с. 83].

² Анатомия коррупции // Аргументы и факты. 2002. 23 мая (№ 21).

Об устойчивости архетипа решать деловые вопросы с помощью взяточничества свидетельствуют результаты современных опросов населения в России, показывающие, за какой перечень служебных услуг население готово давать взятки [10, с. 28–29]. Уголовная статистика также подтверждает, что, несмотря на существенные изменения социально-политических условий, количество случаев взяточничества сохранялось без особых флуктуаций. Так, если в 1986 г. в России правоохранительные органы зарегистрировали 6,5 тыс. случаев дачи и получения взятки, то с началом перестройки их количество снизилось до 2,5 тыс. В последующие годы число зарегистрированных случаев взяточничества увеличивается, и к концу 1990-х гг. достигает показателя 1986 г.: 1992 г. — 3,3 тыс., 1993 г. — 4,5 тыс., 1994 г. — 4,9 тыс., 1995 г. — 4,9 тыс., 1996 г. — 5,4 тыс., 1997 г. — 5,6 тыс., 1998 г. — 5,7 тыс., 1999 г. — 6,8 тыс., 2000 г. — 7 тыс., 2001 г. — 7,9 тыс., 2002 г. — 7,3 тыс. То есть за 16 лет количество случаев взяточничества оставалось стабильным.

Но вот парадокс: явление есть, а одноименного состава преступления в уголовном праве России нет. Возможно, законодатель считает целесообразным пользоваться устоявшимися составами: получение-дача взятки, должностные преступления, совершенные из корыстных побуждений, и т.д. Но не теряется ли при этом новая сущность явления, и если это так, то может быть нужна и новая норма об ответственности [11]?

Легальное понятие коррупции содержится в ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ: коррупцией признается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Из этого понятия вытекают следующие признаки коррупции: 1) это действия, образующие служебные полномочия должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организа-

ции; 2) совершенные вопреки законным интересам общества и государства; 3) в целях получения незаконной имущественной выгоды для себя или третьих лиц.

У легального понятия коррупции есть существенные недостатки. Во-первых, в нем нивелируется различие в субъекте коррупции с точки зрения должностного статуса и социальных последствий совершаемых им действий. Ясно, что следователь, который за взятку незаконно выносит постановление об освобождении от уголовной ответственности за создание банды, совершает более опасное преступление, чем заведующий муниципальным детским садом, принимающий за взятку ребенка в дошкольное учреждение. Во-вторых, обращает на себя внимание весьма неопределенный перечень действий, которые отнесены к коррупции, по смыслу «иного незаконного использования физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства». Возникают вопросы: почему законное использование должностного положения вопреки законным интересам или законное использование должностного положения для защиты незаконных интересов выпадают из понятия коррупции? В-третьих, цель коррупции трактуется помимо характера объекта должностного преступления и выводится из корыстного мотива — получить незаконную имущественную выгоду. Поэтому мы полагаем, что легальное понятие коррупции не отражает ее социально-правовую сущность, которую нельзя выводить из корыстного интереса. Ведь такой интерес лежит в основе совершения разных преступлений. Ну а то, что «люди гибнут за металл», еще не свидетельство коррупции.

При определении коррупции ученые оперируют перечисленными признаками. Например, Н.Ф. Кузнецова весьма лаконична в определении сути коррупции, которую усматривает в подкупе одних лиц другими [12]. По мнению А.И. Долговой, коррупция представляет собой социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкокорпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей [13, с. 501]. Близкую к ней позицию сформулировал П.А. Кабанов [14, с. 136]. Можно заметить, что в этих определениях между коррупцией и взяточничеством

ставится знак равенства. Как следствие, происходит удвоение понятия, но сущность коррупции не проясняется. Однако необходимость четкого употребления понятий обусловлена как самой антикоррупционной политикой [15], так и образовательным процессом [16]. Более последовательным в использовании терминов оказался Верховный Суд РФ, который в названии своего постановления разделил коррупцию на взяточничество и иные коррупционные преступления³.

Основное исследование

Согласно международным документам, под коррупцией понимается подкуп, продажность должностных лиц (публичных служащих) и их служебное поведение, осуществляемое в связи с полученным или обещанным вознаграждением. Преимущественно как подкуп (активный и пассивный) рассматривает коррупцию Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. и Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.⁴, но в последнем документе к коррупции отнесено также злоупотребление влиянием в корыстных целях. В Межамериканской конвенции против коррупции, подписанной государствами — участниками Организации американских государств 29 марта 1996 г. в столице Венесуэлы г. Каракасе, к случаям коррупции также отнесены «любые злоупотребления правительственным чиновником или лицом, выполняющим государственные обязанности, своих полномочий в целях незаконного получения выгоды для себя или третьего лица»⁵. Из всех признаков коррупции, которые содержатся в международных актах, на наш взгляд, есть один, который точно указывает на сущность коррупции и по которому это незаконное поведение дистанцируется от взяточничества. Этот признак состоит в генетической связи между коррупцией и организованной преступностью. Так, в Конвенции Организации Объединенных Наций против

³ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

⁴ Конвенция Совета Европы и Российская Федерация : сб. док. М. : Юрид. лит., 2000. С. 279.

⁵ Organization of American States: Inter-American Convention Against Corruption // International Legal Materials. 1996. Vol. 35, № 3. P. 724.

коррупции, принятой в 2003 г.⁶ и подписанной Российской Федерацией, справедливо указано на связь между коррупцией и другими формами преступности, в частности организованной и экономической преступностью, включая отмывание денежных средств.

Безусловно, коррупция трансформировалась из взяточничества, которое приобрело большие масштабы и охватило практически все сферы жизнедеятельности: экономику, политику, науку, культуру, спорт, быт и, наконец, сферу государственного управления. В России сформировался огромный рынок коррупционных услуг, и многие должностные лица стали рассматривать свою службу как средство для их реализации, отмечает А.Л. Репецкая [17]. Можно сказать, что, когда организованные группы и преступные сообщества стали использовать в своих целях государственный аппарат, когда должностные лица становились соучастниками совершения преступлений путем использования своих служебных полномочий, тогда взяточничество приобрело новое качество. Итак, не простое получение взятки должностным лицом за незаконные действия (бездействие), а систематическое их совершение в целях организованной преступности составляет момент истины коррупции. Близкую к этой позицию сформулировал Б.В. Волженкин: коррупция — это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда физические лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют их в частных интересах [18, с. 325].

Организованную преступность образуют преступления, совершаемые в организованных формах, к которым, согласно УК РФ, относятся организованная группа и преступное сообщество (организация). Верховный Суд РФ неоднократно разъяснял понятия этих двух форм соучастия. Он указывал, что организованная группа характеризуется такими признаками, как распределение ролей между ее членами, наличие в ней организатора или руководителя, стабильность состава ее участников⁷. В отноше-

нии преступного сообщества с учетом положений ч. 4 ст. 35 УК РФ Верховный Суд РФ отмечал, что это структурированная организованная группа (имеющая внутреннюю структуру) или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды⁸. Для корректного установления этой формы соучастия в преступлении целесообразно было бы добавить к этому понятию, отраженному в ст. 35 УК РФ, еще один признак и указать, что структурированная группа или организованная группа, совокупность которых может образовывать преступное сообщество, существовали как криминальное объединение до создания преступного сообщества [19, с. 471].

Как видно из указанных выше постановлений Пленума Верховного Суда РФ, коррупция как признак организованной преступной деятельности в них не называется. Не указан он и в ст. 35 УК РФ. Если рассматривать организованную преступность как уголовно-правовое явление, то она представляет собой разновидность совместной преступной деятельности, имеющей четко выраженный групповой характер. Внешние параметры организованной преступности предусмотрены уголовным правом. Это значит, что те действия, которые образуют содержание организованной преступности, оцениваются уголовным законом как преступления и никакие иные действия, хотя и совершаемые организованными преступными группами, например предпринимательство или пожертвования на благотворительность, в состав организованной преступности не входят.

Иначе трактуется организованная преступность в криминологии. Под ней понимается система постоянно функционирующих управляемых криминальных групп и сообществ, в преступной деятельности которых используются коррупционные связи для защиты от правового контроля и преумножения финансовой или иной материальной выгоды. Таким образом, к конститутивным признакам организованной преступности относятся: 1) систематичность

⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции / Упр. ООН по наркотикам и преступности. Нью-Йорк, 2004. 62 с.

⁷ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2 ; О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24.

⁸ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

совершения преступлений; 2) цель — извлечение незаконной прибыли от занятия организованной преступной деятельностью; 3) использование коррупции для защиты от правоохранительных органов и увеличения прибыли; 4) накопление капитала и образование «общака» (своеобразного нелегального банка) за счет неформального налогообложения преступников и прибыли от криминальной деятельности; 5) иерархия, дисциплина, санкции за нарушения неформальных норм.

Итак, к конститутивным признакам организованной преступности относится наличие коррупционных связей, обеспечивающих эффективность криминальной деятельности и защиту от правового контроля. Как справедливо утверждает В.В. Панкратов, без коррупции организованной преступности не бывает: «Она в таком случае просто невозможна, она не существует и короткого времени, тем более она не сможет реализовать свои долговременные и длящиеся (разветвленные и многоэпизодные) операции — не получит льгот, защиты от контрольных органов, от конкуренции и пр. В свою очередь, только организованная преступность с ее бешеными доходами... образует разветвленную коррупционную сеть, выходя на самые верхи власти» [20, с. 275]. Известный эксперт по организованной преступности А.И. Гуров также вводит в качестве обязательного показателя организованной преступности наличие коррумпированных связей с работниками правоохранительных и других органов государственной власти [21, с. 207].

Криминальная деятельность организованной преступности многообразна. Если идет речь о ее общеуголовной составляющей, то к ней относятся убийства по найму, похищение человека, разбой, вымогательство, бандитизм. Если идет речь о ее экономической составляющей, то это рейдерские захваты, легализация незаконно приобретенного имущества, уклонение от уплаты налогов, разглашение конфиденциальных сведений, контрабанда легальных и ограниченных в обороте предметов, наркотрафик, организация притонов, организация занятия проституцией, бизнес-порнография. Если идет речь о ее политической составляющей, то это акты терроризма, захвата заложников, экстремистской деятельности. Очевидно, что при совершении перечисленных преступлений коррупционный фактор может быть разной степени выраженности, а значит, и общественной опас-

ности (от элементарного пособничества до соисполнительства).

Сегодня коррупция заняла самое заметное место среди обсуждаемых в обществе проблем и считается едва ли не главной национальной угрозой. Такую актуальность и общественную опасность коррупция приобрела во второй половине XX столетия. Появилась международная организация «Трансперенси Интернэшнл», которая публикует индекс восприятия коррупции, чтобы сравнивать государства, входящие в ООН, на предмет пораженности коррупцией и разделить их по степени демократичности. Но в законе «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ практически не учитываются кумулятивные негативные последствия коррупции, которые проявляются во многих сферах жизнедеятельности. А эти последствия возникают не столько по причине получения должностными лицами незаконной имущественной выгоды, сколько из-за той помощи, которую должностные лица оказывают за взятку при совершении незаконных действий другими лицами. Общественным сознанием может быть и воспринимается как коррупция любое корыстное злоупотребление должностных лиц (вследствие живучести архетипа приравнивать взяточничество к неизбежному злу государственного устройства), но истинная общественная опасность коррупции состоит в том, что она закабаляет государственный аппарат, так как обязывает его действовать в интересах тех лиц, с преступной деятельностью которых он должен бороться.

Таким образом, вклад должностного лица в преступную деятельность надо понимать как корыстную помощь, услугу в совершении преступлений теми лицами, которые ее покупают [22]. Такая помощь может быть многообразной: выдача служебной информации, вынесение неправомерного решения, прекращение уголовного преследования, ограничение конкуренции, устранение конкурентов и т.д.

Коррупция не просто взяточничество, и поэтому юридические составы у них должны быть разные. Если получение взятки состоит в приобретении незаконного вознаграждения [23, с. 12], то для криминализации коррупции одного этого деяния недостаточно. Состав коррупции, наряду с получением взятки, должен охватывать те действия, в которых проявляется ее сущность. То есть использование служебных полномочий должностным лицом в целях содействия в со-

вершении преступных действий иными лицами. Сейчас такие действия предусмотрены в самостоятельных статьях УК РФ, например в ст. 178, 285, 286, ч. 2 ст. 294, ст. 299, 300, 303, 305, 310, 311 УК РФ, а также могут образовывать пособничество в совершении преступлений. Именно такое сложное поведение, в котором содействие должностного лица криминалу является главным, и определяет цель коррупционного соучастия. Поэтому нужно прийти к выводу, что, наряду с нормами об ответственности за взятничество и иные коррупционные преступления, есть необходимость в ведении самостоятельной нормы об ответственности за коррупцию.

Выводы

Сегодня уголовно-правовая квалификация коррупции образует совокупность нескольких статей: 1) получение взятки за незаконные действия; 2) злоупотребление должностными полномочиями или их превышение (общая или специальные нормы); 3) в отдельных случаях состав конкретного преступления, при совершении которого должностное лицо вступает в коррупционный сговор и становится соучастником.

Однако вменение совокупности статей в отношении коррупционера, который как пособник или соисполнитель участвует в совершении другим лицом преступления, весьма часто ограничивает возможности для назначения ему справедливого наказания. Например, при квалификации по ст. 290 и 285 или 286 УК РФ (либо их специальным нормам), согласно ст. 69 УК РФ, окончательное наказание не может превышать 12 лет лишения свободы (санкции ч. 3 ст. 290 — от 3 до 8 лет; ч. 1 ст. 285 и 286 — до 4 лет), а с учетом ст. 67 УК РФ может быть и меньше. По существу, такой квалификационный подход приравнивает по степени общественной опасности пособника со статусом должностного лица к рядовому пособнику, в то время как коррупционный соучастник содействует совершению преступлений, а также обеспечивает исполнителю правовую безопасность от привлечения его к уголовной ответственности.

Эту квалификационную недостаточность, которая влечет назначение несправедливого наказания, можно преодолеть несколькими подходами. Во-первых, можно использовать конструкцию сопряженной совокупности преступлений, которую законодатель предусмотрел, например, при совершении убийства, сопряженного с изнасилованием или разбоем. Как

известно, в таком случае вменяется ч. 2 ст. 105 УК РФ, в которой предусмотрены пп. з) или к), содержащие указание на сопряженную совокупность, и ст. 131 или 162 УК РФ. Для реализации такого подхода нужно было бы дополнить статьи, предусматривающие ответственность за коррупционные преступления, т.е. ст. 285, 286, ч. 2 ст. 294, ст. 299, 300, 303, 305, 310, 311 УК РФ, квалифицирующим признаком «сопряженные с получением взятки за коррупционные действия». Такой квалифицирующий признак должен быть самым тяжким из предусмотренных в этих статьях. При квалификации по данному варианту нужно было бы вменять статью за получение взятки и статью из перечисленного списка с новым квалифицирующим признаком.

Во-вторых, в УК РФ можно предусмотреть самостоятельную статью за коррупционное соучастие, вписав его в существующие теоретические модели соучастия в преступлении [24]. Коррупционное соучастие в качестве разновидности коррупции упоминается в работе П.А. Скобликова и описывается следующим образом: «...взять на зарплату, т.е. получение ежемесячного незаконного вознаграждения за услуги с использованием служебного положения должностного лица» [25, с. 55]. Мы полагаем, что объективная сторона этого преступления, помимо получения взятки, должна включать использование должностных полномочий в целях оказания содействия в совершении преступлений другими лицами. Таким образом, коррупционное соучастие представляет собой составное преступление, которое охватывает получение взятки должностным лицом за использование своих полномочий в целях оказать содействие в совершении преступления другим лицом (лицами). Эта статья должна предусматривать ответственность за два различающихся по степени общественной опасности вида коррупционного соучастия: *коррупционное пособничество*, т.е. использование должностным лицом за взятку своих полномочий в целях оказать содействие в совершении преступления другим лицом (лицами); и *коррупционный сговор*, т.е. использование должностным лицом за взятку своих полномочий в целях оказать постоянное содействие в совершении преступлений организованной группе или преступному сообществу.

В случае дополнения УК РФ такой статьей для квалификации потребуются только она, тогда как сейчас необходимо вменение трех статей. При подобном подходе к уголовной ответствен-

ности за коррупцию достигается оптимизация квалификации по смыслу процессуальной экономики и облегчается процесс доказывания. Визави коррупционера — лицо, подкупающее должностное лицо за такие услуги, — должен быть ответствен за подстрекательство к коррупционному соучастию.

Сегодня при квалификации действий должностного лица как коррупционных возникает вопрос о нарушении принципа справедливости. Должностное лицо дважды отвечает за незаконные действия при получении взятки: сначала по ч. 3 ст. 290 УК РФ, затем по отдельной статье, предусматривающей ответственность за конкретные незаконные действия. Например, сотрудник ГИБДД за взятку выписал подложные документы о дорожно-транспортном происшествии, по которым впоследствии их обладатель получил от страховой компании страховое возмещение. Действия сотрудника ГИБДД квалифицируются по совокупности ч. 3 ст. 290, ст. 292, ч. 5 ст. 33 и ст. 159.5 УК РФ. Или другой пример: следователь за взятку незаконно вынес постановление об освобождении лица от уголовной ответственности за участие в преступном сообществе, впоследствии продолжившего свое участие в преступном сообществе. Действия следователя квалифицируются по совокупности ч. 3 ст. 290, ст. 300, ч. 5 ст. 33 и ст. 210 УК РФ. В случае принятия новой статьи — о коррупционном соучастии — вопрос о нарушении принципа справедливости возникать не будет.

При дополнении УК РФ составом коррупционного соучастия в форме коррупционного сговора может возникнуть проблема разграничения его и состава ч. 3 ст. 210 УК РФ. Преимуществом нового состава станет усиление превентивной роли уголовной ответственности по этой статье в отношении должностных лиц,

которое состоит в следующем. Во-первых, сегодня должностные лица привлекаются по ч. 3 ст. 210 УК РФ только за участие в преступном сообществе (преступной организации) с использованием служебного положения, но не за участие в организованной группе. Во-вторых, согласно толкованию этого квалифицирующего признака в рамках ч. 3 ст. 210 УК РФ, он, наряду с должностными лицами и государственными служащими и служащими органов местного самоуправления, не относящимися к числу должностных лиц, охватывает также лиц, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации [26, с. 400]. Налицо отсутствие дифференциации ответственности в зависимости от статуса субъекта преступления, вследствие чего необоснованно по степени общественной опасности уравнивается криминальная помощь лица с управленческой компетенцией в коммерческой или иной организации или рядового государственного служащего и помощь со стороны должностного лица. В-третьих, статья за коррупционное соучастие должна иметь более суровую санкцию по сравнению с санкциями статей, которые сегодня при квалификации вменяются за коррупцию. Например, с учетом более высокой степени общественной опасности такого составного преступления санкция за коррупционное пособничество должна предусматривать наказание в виде лишения свободы от 10 до 15 лет, а санкция за коррупционный сговор — наказание в виде лишения свободы от 15 до 20 лет или пожизненное лишение свободы. Естественно, что тогда из числа субъектов преступления по ч. 3 ст. 210 УК РФ нужно будет исключить должностных лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Саломатин А.Ю. Борьба с коррупцией в США в XIX веке и государственная модернизация / А.Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2001. — № 3 (236). — С. 196–206.
2. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. — 518 с.
3. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа / С.Ф. Милюков. — Санкт-Петербург : Знание, 2000. — 276 с.
4. Бурлаков В.Н. Перестройка уголовного закона: результаты и перспективы / В.Н. Бурлаков, Н.И. Пряхина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 2. — С. 5–15.
5. Бурлаков В.Н. Эффективность наказания за взятничество / В.Н. Бурлаков, Н.И. Пряхина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — № 1. — С. 85–95.
6. Скобликов П.А. Оптимизация борьбы с организованной преступностью и коррупцией посредством парламентского контроля / П.А. Скобликов // Журнал российского права. — 2015. — № 12 (228). — С. 70–78.
7. Гумеров Т.А. Уголовно-процессуальная политика борьбы с коррупционной преступностью: зарубежный формат / Т.А. Гумеров // Журнал российского права. — 2015. — № 12 (228). — С. 78–87.

8. Егорова Н.А. Уголовная ответственность за коррупционные преступления (сравнительный анализ Конвенции Совета Европы 1999 г. и уголовного законодательства России) : учеб. пособие / Н.А. Егорова. — Волгоград : Перемена, 2003. — 53 с.
9. Лунеев В.В. Коррупция, ученная и фактическая / В.В. Лунеев // Государство и право. — 1996. — № 8. — С. 78–90.
10. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность / С.В. Максимов. — Москва : ЮрИнфоР, 2000. — 143 с.
11. Кузнецова Н.Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений / Н.Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. — 1993. — № 1. — С. 21–26.
12. Прокументов Л.М. Обусловленность криминализации и декриминализации деяний / Л.М. Прокументов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право. — 2012. — Т. 8, № 2. — С. 138–141.
13. Криминология / под ред. А.И. Долговой. — Москва : Инфра-М, 1997. — 784 с.
14. Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение / П.А. Кабанов. — Нижнекамск, 2000. — 244 с.
15. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты / В.В. Астанин. — Москва : Юнити-Дана, 2014. — 255 с.
16. Противодействие коррупции : учеб. и практикум / под ред. Е.В. Охотского. — Москва : Юрайт, 2015. — 366 с.
17. Репецкая А.Л. Коррупция в правоохранительных органах / А.Л. Репецкая // Организованная преступность и коррупция. — Екатеринбург, 2000. — Вып. 4. — С. 78–84.
18. Волженкин Б.В. Коррупционная преступность / Б.В. Волженкин // Криминология : учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. — Санкт-Петербург : Питер, 2005. — С. 324–357.
19. Бурлаков В.Н. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве / В.Н. Бурлаков, В.Ф. Щепельков. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).465-476 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 465–476.
20. Панкратов В.В. Сочетание уголовно-правовых и политико-экономических мер в борьбе с коррупцией / В.В. Панкратов // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог : сб. ст. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Л. Шелли, Ю.Г. Козлова. — Москва, 1997. — С. 269–283.
21. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А.И. Гуров. — Москва : Юрид. лит., 1990. — 304 с.
22. Бурлаков В.Н. Некоторые вопросы противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами / В.Н. Бурлаков // Дialeктика противодействия коррупции : материалы 3-й Всерос. науч.-практ. конф. — Казань, 2013. — С. 26–29.
23. Бурлаков В.Н. Криминализация незаконного обогащения: теоретическая модель состава преступления / В.Н. Бурлаков. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).12-19 // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 12–19.
24. Ситникова А.И. Доктринальные модели и законодательные конструкции института соучастия в преступлении / А.И. Ситникова. — Москва : Юрлитинформ, 2009. — 182 с.
25. Скобликов П.А. Российская коррупция. Неформальная энциклопедия / П.А. Скобликов. — Москва : АСТ, 2015. — 288 с.
26. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Лукьянова, В.Ф. Щепелькова. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2014. — 764 с.

REFERENCES

1. Salomatin A.Yu. Corruption counteraction in the USA in the 19th century and state modernization. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2001, no. 3 (236), pp. 196–206. (In Russian).
2. Burlakov V.N., Kropachev N.M. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Saint Petersburg State University Publ., 2005. 518 p.
3. Milyukov S.F. *Rossiiskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza* [Russian Criminal Legislation: An Attempt at Critical Analysis]. Saint-Petersburg, Znanie, 2000. 276 p.
4. Burlakov V.N., Prjahina N.I. Criminal Law Improvement: Results and Prospects. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 2, pp. 5–15. (In Russian).
5. Burlakov V.N., Prjahina N.I. Effectiveness of Punishment for Bribery. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 1, pp. 85–95. (In Russian).
6. Skoblikov P.A. Optimization of Fighting Organized Crime and Corruption through Parliamentary Control. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2015, no. 12 (228), pp. 70–78. (In Russian).
7. Gumerov T.A. Criminal-Remedial Policy for Fighting Corruption: International Format. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2015, no. 12 (228), pp. 78–87. (In Russian).
8. Egorova N.A. *Ugovolnaya otvetstvennost' za korruptsionnye prestupleniya (sravnitel'nyi analiz Konventsii Soveta Evropy 1999 g. i ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii)* [Criminal liability for crimes of corruption (a comparative analysis of the Convention of the Council of Europe of 1999 and Russian criminal legislation)]. Volgograd, Peremena Publ., 2003. 53 p.
9. Luneev V.V. Corruption, registered and real. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1996, no. 8, pp. 78–90. (In Russian).
10. Maksimov S.V. *Korruptsiya. Zakon. Otvetstvennost'* [Corruption. Law. Liability]. Moscow, YurInfoR Publ., 2000. 143 p.
11. Kuznetsova N.F. Corruption in the System of Criminal Offences. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11, Law*, 1993, no. 1, pp. 21–26. (In Russian).
12. Prozumentov L.M. Conditionality of Criminalization and Decriminalization of a Deed. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 2012, vol. 8, no. 2, pp. 138–141. (In Russian).
13. Dolgova A.I. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Infra-M Publ., 1997. 784 p.

14. Kabanov P.A. *Politicheskaya prestupnost': sushchnost', prichiny, preduprezhdenie* [Political Crimes: Essence, Causes, Prevention]. Nizhnekamsk, 2000. 244 p.
15. Astanin V.V. *Antikorrupsionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty* [Anticorruption Policy of Russia: Criminological Aspects]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2014. 255 p.
16. Okhotskii E.V. (ed.). *Protivodeistvie korruptsii* [Combating Corruption]. Moscow, Yurait Publ., 2015. 366 p.
17. Repetskaya A.L. Corruption in the law enforcement bodies. *Organizovannaya prestupnost' i korruptsiya* [Organized Crime and Corruption]. Yekaterinburg, 2000, iss. 4, pp. 78–84. (In Russian).
18. Volzhenkin B.V. Corruption-Related Crime. In Burlakov V.N., Kropachev N.M. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2005, pp. 324–357. (In Russian).
19. Burlakov V.N., Shchepelkov V.F. Crime Boss and the Grounds for Liability: Postmodernism in Criminal Law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 465–476. DOI: 10.17150/25004255.2019.13(3).465-476. (In Russian).
20. Pankratov V.V. A combination of criminal law and political-economic measures of counteracting corruption. In Kuznetsova N.F., Shelli L., Kozlov Yu.G. (eds.). *Izuchenie organizovannoi prestupnosti: rossiisko-amerikanskii dialog* [Researching Organized Crime: a Russian-American Dialogue]. Moscow, 1997, pp. 269–283. (In Russian).
21. Gurov A.I. *Professional'naya prestupnost': proshloe i sovremennost'* [Professional Criminality: the Past and the Present]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1990. 304 p.
22. Burlakov V.N. Some aspects of counteracting corruption through criminal law means. *Dialektika protivodeistviya korruptsii. Materialy 3-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Corruption Counteraction Dialectics. Materials of the 3rd All-Russian Research Conference]. Kazan, 2013, pp. 26–29. (In Russian).
23. Burlakov V.N. Unlawful Enrichment Criminalization: Abstract Model of Crime Elements. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 12–19. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).12-19. (In Russian).
24. Sitnikova A.I. *Doktrinal'nye modeli i zakonodatel'nye konstruksii instituta souchastiya v prestuplenii* [Doctrinal Models and Legislative Constructs of Complicity in a Crime]. Moscow, YurLitinform Publ., 2009. 182 p.
25. Skoblikov P.A. *Rossiiskaya korruptsiya. Neformal'naya entsiklopediya* [Russian Corruption. An Informal Encyclopedia]. Moscow, AST Publ., 2015. 288 p.
26. Burlakov V.N., Lukyanov V.V., Shchepelkov V.F. (eds.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Russian Criminal Law. Special Part]. Saint Petersburg State University Publ., 2014. 764 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурлаков Владимир Николаевич — профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.burlakov@spbu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Burlakov, Vladimir N. — Professor, Chair of Criminal Law, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: v.burlakov@spbu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бурлаков В.Н. Понятие коррупционного соучастия и ответственность за него / В.Н. Бурлаков. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).49-58 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 1. — С. 49–58.

FOR CITATION

Burlakov V.N. The concept of complicity in corruption and responsibility for it. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 49–58. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).49-58. (In Russian).